

и обладать сведениями в астрономии и небесных законах» (1936, I, 1, 3—5; X, 1, 1). Лишь спустя двенадцать столетий Альберт Великий (XIII в.) ощутил не столько комментаторскую, сколько творческую функцию мастера: «Архитекторы разумно применяют знания и к делу исполнены, и к материи, и к форме, и к завершению вещи, а ремесленники же работают приложением форм к действительности» (*Albertus Magnus*, 1890, 6, с. 17—18).

Единство бога, человека и природы, запечатленное в античном сознании, обернулось в христианском мирозерцании противостоянием бога и мира, духа и плоти.

Но это противостояние выступает лишь в принципе — в форме проповеднического витийства. Средневековое бытийство сближает дух и плоть. Идея Логоса — личность Христа — была достаточно иерархизирована. Христос — личность, но не универсальная, а специализированная, предстающая в облике своих представителей (покровители цехов, местные святые, Мадонна). Возможна прямая ориентация на Христа (жизнь-подражание Франциска Ассизского). Секрет конкретной операциональности средневекового рецепта. Здесь же секрет его священности.

Легко увидеть в средневековом рецепте только способ овладеть тем или иным ремеслом, панацеею от всех бед варварских разрушений. Но это значит отметить лишь один аспект — не главный. Можно ведь сказать и так. Опомнившийся варвар, обозрев им же созданные обломки римской культуры, должен начинать все сначала — с нуля. Всему надо учиться заново. Но у кого? У тех немногих мастеров, редких, как последние мамонты, которые еще сохраняют античное универсальное умение. Поэтому наказ мастера — не каприз. Это единственно необходимое установление: не выполнишь, не подчинишься, так и останешься ничемным недоучкой. Вот почему авторитарно-рецептурный характер средневековой деятельности — не просто орнаментальная ее особенность. Такого рода рецептурность, равнозначная первоначальной специализации, неизбежна в отработке простейших навыков предметной деятельности — нужна узкая специализация, доходящая, однако, до удивительной виртуозности в изготовлении конечного продукта труда (или отдельной, относительно самостоятельной, его части). Уместить на кончике иглы тысячу чертей — для средневекового мастера-виртуоза фокус не хитрый. Буквальное следование авторитету — залог подлинного мастерства. Трепетный пиетет перед авторитетом — верный способ хоть чему-то на первых порах научиться. Но так можно объяснить появление рецептурно оформленных кодексов предметной деятельности для всех эпох. Исчезает рецептурность средневековая, усыхая до рецептурности вообще и потому оказываясь за пределами истории.

Рецепт средневековья операционален, но и священен. В средневековом рецепте сливается индивидуальное и всеобщее. Связующее звено — идея сына божия. Но не столько учение Христа, сколько его личность особенно значима (Эйкен, 1907, с. 90). Действия, назначенные вести